

Первые годы журнала. Н.В. Гоголь, А.В. Кольцов и другие

1

«Журнал Министерства Народного Просвещения» стал выходить в 1834 году, когда в российском обществе ощущался прилив патриотизма, связанный с победой над Турцией в войне 1828–1829 гг., и Россия получила возможность свободно проходить проливы Босфор и Дарданеллы. О высоком настрое свидетельствует, например, принятие 25 декабря 1833 года Государственного гимна «Боже, царя храни!» (музыка Алексея Фёдоровича Львова, слова Василия Андреевича Жуковского). В Санкт-Петербурге была воздвигнута Александровская колонна — памятник победителю самого Наполеона (и основателю нашего журнала) Александру I. По проекту Карла Ивановича Росси завершено строительство зданий Сената и Синода. В Петербурге Павлом Львовичем Шиллингом фон Конштадтом изобретён и там же продемонстрирован первый в мире электромагнитный телеграф. А в Нижнем Тагиле заработала опять же первая в мире паровая железная дорога, построенная отцом и сыном Ефимом и Мироном Черепановыми. Женился на Наталье Гончаровой Александр Пушкин; готовился к выпуску журнал «Современник».

Во второй части (номере), а там более 600 страниц, в разделе «Высочайшие Повеления» среди 49 распоряжений по Министерству народного просвещения отметим, например, такие: «О передаче Губернских Библиотек под наблюдение Министерства Народного Просвещения»; «О пенсиях и еди-

новременных пособиях Законоучителям светских Учебных заведений и их семействам»; «О предоставлении воспитанникам Гимназий Дерптского Учебного Округа права на чин 14-го класса за успехи в Русском языке и Словесности». О последнем — вот так государь стимулировал изучение русского языка прибалтийскими народами.

Приводится «Выписка из Положения о гражданских мундирах: описание мундиров по Министерству Народного Просвещения»; «О мундирах для Чиновников Румянцевского Музеума, Сибирских Губерний и Закавказского края». Изобилие повелений о форменной одежде не оставляет сомнений, что вопрос этот тогда был чуть ли не первостепенной важности. Так, в рескрипте «О форменной одежде для воспитанников Гимназий» сказано:

«...иметь мундир тёмно-зелёного сукна с тёмно-синим суконным же воротником, с золотыми или серебряными петлицами из галуна, по Округам. Покрой как мундиров, так и положенных Студентам и воспитанникам сертуков (здесь и далее орфография оставлена прежняя. — В.Ч., А.З.) иметь ныне существующий и носить им фуражки суконные тёмно-зелёные с околышком по цвету воротника».

Далее комментарий Министерства:

«Между тем, прежде нежели сие Положение было обнародовано, Государь Император повелевать изволил, чтобы вместо сертуков в Пансионах трёх С.-Петербургских Гимназий введены были для воспитанников куртки по Высочайше утверждённому образцу: при чём благоугодно было Его Величеству изъявить согласие и на предположение, чтобы кантики на фуражках воспитанников 1-й здешней Гимназии были красные, 2-й белые, а 3-й голубые.

По получении упомянутого Положения, Г. Министр Народного Просвещения испрашивал Высочайшего Его Императорского Величества Повеления: 1) оставить ли воспитанникам здешних Гимназий бывшие у них доселе синие мундиры с красными суконными воротниками, из коих на мундирных нашиваются петлицы из галуна, также приготовленные для них синие же куртки с красными воротниками и фуражки с особыми для каждой Гимназии кантиками, или на основании Положения о Гражданских мундирах иметь им впредь форменную одежду тёмно-зелёного сукна с петлицами на синем воротнике и околышком того же цвета на фуражке, наравне с Студентами; 2) в случае Высочайшего соизволения на первое предложение, не благоугодно ли будет распространить оное вообще на воспитанников и учеников всех прочих Гимназий, с таким потом распоряжением, чтобы куртки предоставлены были исключительно воспитанникам; вольноприходящие же ученики носили бы вместо того сертуки.

Государю Императору благоугодно было по сему докладу дать в 27 день Апреля собственноручную резолюцию: «Согласен; и цвет оставить тёмно-синий вместо тёмно-зелёного».

«В Министерских распоряжениях» среди необходимой рутины наподобие: «О дровах и свечах Училищным Чиновникам», «О сверхштатных издержках», «Определения и увольнения», «О разъездных деньгах» — есть и действительно серьёзные постановления, оставившие глубокий и добрый след в нашей истории: «О совокупном изучении Монгольского и Татарского языков в Казанском Университете» и «Об открытии Университета Св. Владимира в Киеве».

В «Отделении II. Словесность и Науки» мы видим жемчужины русской культуры, рождённые её корифеями.

Здесь первые публикации Николая Гоголя «Отрывок из Истории Малороссии» и «О Малороссийских песнях». Эта его работа о песнях опубликована в журнале «Народное образование» (№ 2 за 2002 год) без купюр и в орфографии, приближенной к авторской. Естественно, теперь уже не вернуть

буквы ять, «и» десятеричное, фиту и ижицу, но можно, как мы считаем, вернуть заглавные, прописные буквы, которые ныне везде заменяются на строчные, поскольку игнорирование этого явления и бездумная подгонка текста XIX века под новую орфографию нередко искажает замысел великого классика.

Сейчас хорошо известно, что в произведениях классиков, и в том числе Н.В. Гоголя, из-за нерадения издателей, редакторов и корректоров содержится значительное количество ошибок — грубых подчас нарушений правил орфографии и пунктуации, принятых в 1956 году.

Ниже представлена статистика расхождений только одной публикации в «Журнале Министерства Народного Просвещения», а именно «О Малороссийских песнях» с текстом: Гоголь Н.В. Соч.: В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Стручкова. М.: Московский писатель, 2002. С. 896.

В этом красивейшем фолианте под суперобложкой девять раз вместо *всё* напечатано *все!* Вместо слова *мёд* — стоит *мед* (как будто это что-то медицинское). У Гоголя в журнальной публикации *Казак* пишется с заглавной буквы и через *a*, а у Стручкова почему-то *козак* и со строчной буквы — пять раз. Прописные буквы убраны в 26 случаях в словах: Поэзия, История, Украинские степи, Гетман, Природа, Христианство, Боже Всесильный, Поэт, Уния, Славянская Мифология. И большинство прописных букв в этих словах, нам представляется, авторские. Далее: в 2002 году напечатано *от того*; или напечатано: *несмотря, что*, а у Гоголя

Н.В. Гоголь
Автолитография
А.Г. Венецианова. 1834 г.

в журнале — *несмотря что*, то есть без запятой в середине, что идентично современному *потому что*. Очень грубо ошибаются современные издатели, дважды печатая в приведённых на украинском языке цитатах вместо *и* десятеричного («*i*») — *и* восьмеричное. И наконец, наличие трёх купюр очень снижает значимость и поэтичность текста.

Вряд ли кто-нибудь будет спорить, что вычёркивания из классика, — самый тяжкий против него выпад. А потому расскажем о всех трёх случаях.

В самых первых строках «О Малороссийских песнях» читаем:

«Только в последние годы — в эти времена стремления к самобытности собственной народной Поэзии — обратили на себя внимание Малороссийские Песни, бывшие до того скрытыми от образованного общества и державшиеся в одном народе. Доказательством этому служат вышедшие недавно издания Гг. Максимовича и Срезневского».

Выделенное в тексте — купюра, а господа-то — тридцатилетний Максимович и двадцатидвухлетний Срезневский — как были уважаемыми учёными в 1834 году, так ими и остались в 2003-м. Выдающаяся прозорливость Гоголя! Впрочем, как и редактора Константина Сербиновича и шефа журнала графа С.С. Уварова.

Непонятно, зачем нужно было заменять строчки песни, напечатанные в первой публикации:

*Ой ревнула корова из череды йдучи:
Наскучило миленького ждучи.*

на совсем другие:

*Шли коровы из дубровы, а овечки с поля.
Выплакала кари очи, край милого стоя.*

И наконец, последний, самый болезненный, на наш взгляд, пример. Гоголь пишет: «Чтобы сколько-нибудь сделать доступною для незнающих Малороссийского языка глубину чувств, рассыпанных в этих песнях, привожу одну из них в переводе». (*Мы даём лишь два куплета, последний из которых отринут современными издателями.*)

... Чу! луга шумят, берега звенят, расцветает калина —
верно где нибудь мой милый, голубчик мой сизый,
с другою разговаривает.

Если с такою, как я, то... помоги ему, Боже! Когда
же не с такою, но с худшею — разлучи его, Боже!

Вместо последних двух — гоголевских! — строчек напечатаны девять, ничего с этим общего не имеющих, особенно в художественном отношении, строчек, которые нет смысла здесь приводить.

Дотошный читатель вправе спросить, а не подправляли ли тогда Николая Васильевича редакторы? Видимо, подправляли, но очевидно также, что он с этим соглашался (либо настаивал на своём). В подтверждение приводим две записки Гоголя Сербиновичу, в которых наш литературный курьер предстаёт во всём блеске. Что уж тут говорить, даже коротенькие записочки его — уже шедевр.

«Все ваши и Сергея Семёновича¹ замечания я нахожу очень справедливыми и, как видите, воспользовался ими. В одном месте я только оставил *связь* и *связывают*. Я нарочно так выразился, потому что это составляет фигуру в слоге, а не ошибку. Так мне кажется. При том, этот оборот именно тот, который более всего выражает мою мысль. Я очень вам благодарен за присовокупление к истинной религии. Оно очень хорошо, и я бы не выдумал так. Я к вам заеду в 12 часов: авось не застану ли вас! Теперь же сей час никаким образом не могу.

Много обязанный вам и чувствующий
ваше благорасположение. **Н. Гоголь**».

Вторая записка датирована 29 сентября 1834 года:

«Очень благодарен вам за присылку корректуры (так у Н.Г.). Если можно, то я бы просил у вас прислать сегодня и хвостик ея. Слова *чутья* никак не могу переменить. У нас совершенно нет ему равнозначного. При том, я его употребил потому, что оно уже получило некоторое право гражданства: его употребил Пушкин, и даже Жуковский в путешествии по Саксонии, в смысле художественном, хотя это прекрасное письмо его, кажется, доселе не напечатано. Нечего делать, нужно нам перенять некоторые добродетели и у четвероногих.

Желаю вам совершенного здоровья.
Остаюсь ваш покорнейший слуга. **Н. Гоголь**».

Из этих записок видно, что Гоголю присылали из редакции корректуру, и он или соглашался с правкой, или был против неё. Так что четыре статьи Н.В. Гоголя (в то время адъюнкт-профессора Петербургского университета, читающего там лекции по Всеобщей истории), напечатанные в журнале в 1834 году, вычитаны им на редакционной стадии и не встретили его принципиальных возражений.

¹ Министра Народного Просвещения гр. С.С. Уварова.

В «Отделении II. Словесность и Науки» журнала за 1834 год есть весьма любопытные публикации. Например, «Сказание о Семирамиде» профессора Дерптского университета К.Л. Блума, а также знаменитая работа профессора Фридриха Клоссиуса «Библиотека Великого Князя Василия III Иоанновича и Царя Иоанна IV Васильевича».

В статье Клоссиуса, в частности, на 22 страницах идёт захватывающее повествование об открытии, исследовании, составлении каталога библиотеки и... исчезновении этого сокровища мировой культуры. Читаем:

«Великий Князь Василий Иоаннович, в самые первые дни своего правления осматривая богатства, оставленные ему предшественниками, нашёл множество Греческих книг. Он захотел узнать короче содержание оных; но как не было никого, разумевшего по-Гречески, то Великий Князь просил Константинопольского Патриарха прислать человека, который мог бы сделать описание этому книжному сокровищу. Патриарх нашёл в Обители Благовещения на Афиноной горе двух способных для сего дела мужей-Инок: Даниила и Максима, из которых и избрал последнего. Максим, родом Албанец, учился философии и Словесности в Париже у Януса Ласкериса и был совершенно способен для замышляемого труда. В 1506 году прибыл он в Москву и с честью принят Великим Князем и Митрополитом Симоном. Когда Великий Князь показал ему Греческие книги, то Максим, изумлённый великим множеством оных, воскликнул в восторге: «Государь! вся Греция не имеет ныне такого богатства, ни Италия, где Латинский фанатизм обратил в пепел многие творения наших Богословов, спасённые моими единоземцами от варваров Магометовых». Великий Князь поручил ему осмотреть Библиотеку и перевести на Славянский язык те книги, которые ещё не были переведены. Максим сделал опись всем ещё не переведённым творениям и вручил оную Великому Князю, который повелел отложить сии книги особо, а перевод начать с *Толковой Псалтыри*».

Статья завершается так:

«Мы должны предположить, что Царь, оставляя Слободу Александровскую, увёз с собой в Москву и свою Библиотеку (если только она была привезена туда из Москвы в 1564-м или в 1566 году), и что она погибла во время смятений при Лжедмитриях, может быть, при сожжении Москвы в 1611 году».

Не знаем, сохранилась ли библиотека или нет, но известен факт, что в 70-е годы XX века во время работы в Кремле по укреплению проседавших фундаментов его зданий и храмов несколько тысяч кубометров бетонного раствора было закачено в совершенно неисследованные пустоты в недрах Кремлёвского холма. Может, там и находилась пропавшая библиотека? Если верно считается, что «рукописи не горят», то как хотелось бы верить в то, что когда-нибудь найдётся этот книжный клад!

2

Обращает на себя внимание статья профессора, заведующего кафедрой ботаники Московского университета Михаила Александровича Максимовича (1804–1873) «Явноцветные и Тайноцветные растения». Выпускник этого университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук, он имел широкий круг научных интересов, в одном лице был естествоиспытателем, историком, этнографом, филологом, фольклористом. Ранее, в Киеве, возглавляя с 1834 года кафедру русской словесности в Университете Святого Владимира, Максимович издавал альманах «Киевлянин», в котором публиковались историки М.П. Погодин, С.М. Соловьёв и многие другие. Ещё в 1826 году он познакомился с Александром Сергеевичем Пушкиным, впоследствии их связали долгая дружба и совместная рабо-

та. В 1830, 1831 и 1834 годах Максимович издал три выпуска альманаха «Денница», в которых, помимо Пушкина, были опубликованы Евгений Баратынский, Пётр Вяземский, Фёдор Глинка, Антон Дельвиг, Фёдор Тютчев, Николай Языков. Среди многого, что Максимович написал и опубликовал сам, есть, например, «Краткий букварь для русского народа», выдержавший 4 издания.

В рубрике «Новости и смесь» привлекает внимание сообщение о книге «Путешествие Иоганна Штрауса с 1647 по 1673 год по Италии, Греции, Московии, Татарии, Персии, Турции, Японии и Ост-Индии». Нас, конечно, в первую очередь заинтересует его путешествие в Московию, предпринятое по предложению царя Алексея Михайловича, намеревавшегося при помощи голландцев завести на Каспийском море судоходство. Штраус, вступив в царскую службу, проехал через Москву до Астрахани и описал образ жизни, нравы и поверья москвитов. Рецензент книги пишет о судьбе самого автора: «Разбой Разина, воспрепятствовавшие исполнению благого намерения Царя, дали другое неожиданное направление предприимчивому Штраусу. Спасаясь бегством от свирепости Козаков, он вместе со своими товарищами взят в плен Татарами на берегах Дагестанских и претерпел продолжительное рабство у Татар и у одного Персиянина, которому был продан». Но всё, слава Богу, кончилось благополучно, и книга Штрауса стала уникальным достоверным источником сведений о русской старине и весьма примечательной эпохе нашей истории.

В разделе 4-м «Разные известия» читаем об обнаружении одним любознательным дворянином всеми заброшенного захоронения «родной сестры Императрицы Екатерины I» около храма Большого Вознесения, где венчался Пушкин (улица называлась тогда Царской). И из уст краеведа вырывается горький упрёк родственникам императрицы — Скавронским и Самойловым, что забыли и не ухаживают за могилой.

Печатается сообщение об обнаружении новой кометы и основании в городе Майнце Общества для сооружения памятника изобретателю книгопечатания Гуттенбергу.

Государь не оставляет без внимания дела народного просвещения, лично утверждая положения о домашних наставниках и учителях; о необучении солдатских детей, прижитых отцами; о дозволении определять при училищах особых бухгалтеров и прочее.

Министерство, наряду с мелкими распоряжениями, например, «О разделении должности Учителя Рисования, Черчения и Чистописания в Учебных заведениях С.-Петербургского Округа», публикует и более серьёзные: о введении преподавания греческого языка в гимназиях крупных городов — Ярославля, Твери, Тулы, Рязани; об экзаменах лицам, желающим занять места учителей в Сибирских гимназиях и др.

В журнале заметно представлены материалы на еврейские темы: «О Духе Еврейской Поэзии» профессора Московского Университета Степана Петровича Шевырёва (1806–1864); «Об образе Правления у Хазаров» В. Григорьева; «Евреи в Средних Веках. Историческое исследование политическое, коммерческого и литературного их быта, соч. Деннинга»; «Еврейские школы в Нидерландах»; «Одесское еврейское училище», «Новое Постановление Правительства относительно образования Евреев, живущих в России» и многое другое.

И опять, уже в третий раз — публикация новой статьи адъюнкт-профессора С.-Петербургского университета Николая Гоголя — «О Средних Веках». (Она перепечатана без изъятий в «Народном образовании», № 3 за 2002 г.)

А вот несколько сообщений из раздела «Известие о разных трудах профессоров». Сообщается, что в С.-Петербургском университете адъюнкт-профессор Постельс вместе с флигель-адъютантом Его Императорского Величества капитаном 1-го ранга Фёдором Петровичем Литке (1797–1882) (он в 1864 году стал президентом Петербургской АН) занимаются изданием в свет их путешествия вокруг Света на шлюпе Сенявине. Профессор Устрялов, издав «Сказания Князя Курбского» в двух томах, готовится к изданию три тома продолжения «Сказаний современников о Дмитрие самозванце»; сверх того он занимается сочинением «О военном искусстве древних Россиян до времён Петра Великого».

В Московском университете заслуженный профессор Иван Алексеевич Двигубский (1771 или 1772–1839), продолжая издание «Опыта Естественной Истории Российских животных», напечатал шестую книжку о рыбах; профессор Максимович (о нём см. выше) — «Книгу Наума о великом Божь-

ем мире», «Украинские песни», «коих собрано у него более 1000»; профессор Перещиков напечатал 9-ю книжку «Ручной математической энциклопедии» и второе издание «Геометрии»; профессор Михаил Петрович Погодин (1800–1875), впоследствии академик, «занимается исследованиями о Русской Истории, преимущественно о периоде Бориса Годунова».

Журнал к тому же не забывает следить за происходящим за рубежом и публикует: «Краткий обзор хода Наук в Западной Европе в течение первых двух третей 1833 года», «Причина безнравственности во Франции, изъяснённая Виктором Гюго», «Влияние образованности на число Уголовных дел», «Народное просвещение в Швейцарии» и даже «Успехи гражданского образования на Сандвичевых Островах».

Но не зря говорят: «От великого до смешного один шаг». О создателе неевклидовой геометрии великом математике Николае Ивановиче Лобачевском (1792–1856) на страницах «Журнала Министерства Народного Просвещения», например, напечатано: «Г. Управляющий Министерством Народного Просвещения изъяснил свою признательность Ректору Казанского Университета *Лобачевскому* за отличное составление годового Отчёта (3 марта)».

Просвещение читателей журнала по самому широкому кругу проблем — непрерывная забота его создателей. Публикуются, в частности, такие серьёзные вещи, как «Об Истории Славянских Законодательств Марцевёвского» (кстати, журнал букву Ё печатает!); «О пределах, в коих должны быть изучаемы и преподаваемы Права Политическое и Народное»; «Указ Царя Бориса Фёдоровича 1602 г. о крестьянах»; «Древнейшее изображение Русских Князей XI века, вновь отысканное и представленное Государю Императору» и многое другое.

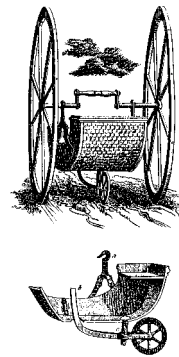

Рисунок самоездной коляски как первого безлошадного средства передвижения появился в журнале в годы, когда иллюстрация была крайней редкостью.

ВЫСОЧАЙШИЯ

На подлинном собственною Его Императорскаго Величества рукою писанно:

Быть по сему.

С. Петербуржь,
3 Генваря 1834 года.

ПРИМЪРНЫЙ ШТАТЪ

Гимназий и Уездныхъ для Дворянъ и мещанъ Училищъ въ Виленской, Гродненской, Минской Губернiяхъ и въ Вѣлостокской Области.

По Гимназиямъ:	Серебрянн.		Общій штатъ.
	Омо-му.	Вѣкъ.	
На Виленскую первую Гимназію съ Уездныхъ Училищемъ, которая именуется Губернскою.			
Директору	—	1,000	
Ему на разъѣзды	—	200	
При немъ: Писмоводителю	—	200	
На немъ: Духовника	80	160	
На Канцелярскіе приказы	—	70	
Инспектору, именованному прежде Помощникомъ	—	500	
Законоучителямъ Грекороссійскаго и Римскокатолическаго Исповѣданій	250	500	
Шести Снарншихъ Учицелей: 1 и 2 Русскаго языка и Словесности, 3 и 4 Латинскаго языка, 5 Маше-			

ПОВЕДѢНІЯ. ix

	Серебрянн.		Общій штатъ.
	Омо-му.	Вѣкъ.	
манасы и Фривки и 6 Историки и Спирителники (*)	450	2,700	
Имя Младшихъ Учицелей: 1 Польскаго языка, 2 Нѣмецкаго языка и 3 Французскаго языка, 4 и 5 въ помощ. Снарншихъ Учицелей Пять (**)	350	1,750	
Учицель рисованій и численностей	—	240	
На учебныя пособія	—	200	
— награды при публичныхъ актахъ	—	40	
— содержаніе дома, служителей и проч.	—	800	
И всего	—	8,560	
На вторую Виленскую Гимназію, при коей полагается Вѣлостроный Пасторъ.			
Директору	—	1,000	
При немъ: Писмоводителю	—	200	
Инсепу	—	80	
На Канцелярскіе приказы	—	50	
Инспектору	—	500	
Законоучителямъ: Грекороссійскаго и Римскокатолическаго Исповѣданій	250	500	

(*) Съ раздѣленіе Пасторъ принимается за основаніе на будущее время для всѣхъ Гимназій, кромѣ Брестской, гдѣ полагается, вѣдѣно духомъ Снарншихъ Учицелей Латинскаго языка, имѣя одного для одного, а другого для Греческаго языка.

(**) Съ раздѣленіе Пасторъ принимается за основаніе на будущее время для всѣхъ Гимназій.

Сейчас, по прошествии 170 лет, можно, конечно, подивиться пристрастию монарха вникать в мельчайшие детали школьной форменной одежды. Но Николай I зато глубоко и всесторонне занимался штатами работников просвещения и оплатой их труда. Приводим здесь небольшой фрагмент «Примерного штата Гимназий и Уездных для Дворян и мещан Училищ», утверждённый императором и подписанный председателем Государственного совета князем В. Кочубеем.

Алексей Кольцов — один из первых наших поэтов, удостоенных памятника на Родине. Памятником воронежскому певцу воспринимаются сейчас и те две старинные публикации в нашем журнале.

Великая тайна Дума

Тучи носят воду,
Вода поит землю,
Земля плод приносит;
Бездна звёзд на небе,
Бездна жизни в мире;
То мрачна, то светла
Чудная природа...

Стареясь в сомненьях
О великих тайнах,
Идут неозвратно
Веки за веками;
У каждого века
Вечность вопрошает:
«Чем кончилось дело?» —
«Вопроси другога», —
Каждый отвечает.

Смелый ум с мольбою
Мчится к провиденью.
Ты поведай мыслям
Тайну сих созданий!

Шлют ответ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя...

Что же совершится
В будущем с природой?..
О, гори, лампада,
Ярче пред распятем!
Тяжелы мне думы,
Сладостна молитва!

Забываясь о повышении своего тиража, журнал публикует «Список местам и лицам, подписавшимся в 1834 году на журнал Министерства Народного Просвещения, о коих доставлены в Редакцию надлежащие сведения». Приведём здесь только несколько сведений о «местах и лицах» в С.-Петербурге и Москве:

«Его Светлость Принц Пётр Ольденбургский
II-е Отделение Собственной Его Величества Канцелярии
Штаб Его Императорского Высочества Главного Начальника Пажеского
и всех Кадетских Корпусов и Дворянского полка
Комиссия Погашения долгов
Комитет Иностранной Цензуры
Ея превосходительство Екатерина Андреевна Карамзина
Его Превосходительство Антон Антонович Прокопович-Антонский
Пансион Г-жи Галандо
Кондитер Амбиель
Справочное место
Канцелярия Попечителя Московского Учебного Округа
Его Высокопревосходительство Иван Иванович Дмитриев
Его Сиятельство Князь Алексей Алексеевич Голицын
Ея Высокоблагородие Варвара Николаевна фон дер Пален».

3

В 1836 году «Журнал Министерства Народного Просвещения» публикует два стихотворения Алексея Васильевича Кольцова (1809–1842) — думу «Великая тайна» и «Песню пахаря». Эти шедевры русской поэзии сопровождаются рассказом о самом авторе:

А.В. Кольцов

«Воронежский мещанин, 26 лет от роду, ремеслом прáсол, т. е. торгующий скотом, скототорговец. Родители Кольцова не могли дать ему никакого образования, и, пробывши год с небольшим в Уездном Училище, он едва только выучился грамоте; а занятия, ожидавшие его за порогом Учебного Заведения, отнимали средства к утолению жажды к чтению и Науке, заронённой в душу его самую Природою. <...> Он пейзажист оригинальный, неподражаемый, который в простых группах и очерках, снятых, по-видимому, наудачу с первого попавшегося на глаза предмета, умеет вдохнуть и прелесть, и жизнь, и даже мысль, иногда высокую, но всегда простую и натуральную — черта таланта истинного...»

Так представлял Кольцова читающей публике наш журнал. Сейчас нам известны драматические перипетии жизни великого поэта русской деревни, основателя замечательной поэтической традиции, продолженной Никитиным, Суриковым, Дрож-

В.Г. Белинский

жиным, Клюевым, Есениным, Исаковским, Твардовским... Да, Кольцов первым из русских поэтов по-настоящему прикоснулся к миру фольклора, воспитав себя в его стихии. В 16 лет он познакомился с русской поэзией — с Пушкиным, Державиным и был поражён напевности их произведений. А песни он слышал с детства. Мальчик обучался в уездном училище, но отец прервал его образование: властному прасолу был необходим помощник по торговой части. В 1830 году в Воронеже Алексей Кольцов знакомится с Николаем Владимировичем Станкевичем (1813–1840) — философом, литератором, ярчайшим питомцем Московского университета.

Коренной воронежец, Станкевич первым оценил талант Кольцова, ввёл его в литературный круг. В 1831 году пушкинская «Литературная газета» опубликовала первое стихотворение А.В. Кольцова. А в 1835 году Белинский и Станкевич издадут первую книгу Кольцова, состоящую из восемнадцати стихотворений. Затем два стихотворения Кольцова оказались в нашем журнале...

Тогда, в 1836 году, Кольцов побывал в редакции и получил там экземпляр со своей публикацией. В Петербурге ему удалось также встретиться с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, К.И. Крыловым, П.А. Вяземским. Ещё раз он посетит Петербург в 1840 году, а двумя годами позже в Воронеже молодого поэта настигнет чухотка, унёсшая его жизнь.

Истинно русское начало и сейчас превращает поэзию Кольцова в чудо. Его «Хуторок», «На заре туманной юности» — это наша речь, наш народный характер. С детства каждому из нас знакомы строки кольцовского «Косаря» (1836 г.), так удивительно точно выразившие русский характер:

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!

Песня пахаря

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю.

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне.
Ну, тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лагу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зёрна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею...
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зёрнышку стоговим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет петь, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжёлых!

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

С тихою молитвой
Я вспашу, посею.
Уроди мне, Боже,
Хлеб — моё богатство!

4

В седьмой части журнала (1835 г.) сообщается о посещении императором Новгородской гимназии, а также «О пробных лекциях Университетских воспитанников, недавно возвратившихся из-за границы». Последнее сообщение — это, видимо, быстрая реакция на монарший рескрипт «Об испытании молодых Учёных, возвратившихся из чужих краёв».

Поражает широта тематики журнала уже в первые годы его существования. Например, тут опубликованы: обзор Андрея Александровича Краевского (1810–1889), знаменитого впоследствии философа и филолога, — «Богословие и Церковная История — Философия — Педагогия»; «Беседы, служащие к объяснению образа мыслей и стихотворений Гёте, соч. Гёшеля»; «Летопись Нестора, переведённая на Французский язык с печатного Кёнигсбергского списка, Г. Луи Пари»; «Литературные разборы и портреты, соч. Сент-Бёва» (буквы Ё в тексте 1835 г. стоят!); «Изучение Египетского письма, иероглифов и языка, также надписи в Розетте, соч. Г. Аббата Графа де Робиано»; «Обитаемость Луны»; «Новый снаряд для физических опытов» и даже информация об «Обществе для прекращения нищенства в Страсбурге».

На первом этапе своей истории в 1830-е годы журнал выполнил главную задачу: вписал своё имя в контекст русской культурной жизни. И в нём заблестали драгоценные имена гениев нашей словесности.

